

ГОСТИ МИНСКА

МАХМУД ЭСАМБАЕВ: «КАЖДЫЙ ТАНЕЦ МНЕ КАЖЕТСЯ ПЕРВЫМ...»

...Медленно восходит золотое солнце над пустынной и мертвой землей. Ничего живого нет на ее безмолвных равнинах. Золотой бог солнца молит бога неба послать на землю живительную влагу. Пошел дождь, оживилась земля, зацвели прекрасные сады, зашелестели листвою деревья, запели птицы. Но дождь не может идти вечно. Прекратится дождь, и все живое на земле погибнет...

Золотой бог солнца молит бога неба послать на землю реки. По благодатной земле Индии потекли величаво и спокойно воды Ганга. Не всегда спокоен Ганг: налетает буря, поднимает огромные волны, Ганг выходит из берегов, затопляет поля, посевы, сады. Неисчислимы бедствия людей. Но буря утихнет, Ганг снова войдет в свое русло и потечет спокойно и величаво.

Золотой бог уходит, чтобы дать покой уставшей земле. Голубой бог ночи вступает в свои права. Он окутывает землю прекрасным голубым сиянием. А завтра снова придет золотой бог, снова согреет землю своими руками. И так будет вечно...

Это — если попробовать пересказать словами один из самых впечатляющих танцев Махмуда Эсамбаева «Легенда о золотом боге». Ему несколько тысяч лет. Древнейшая в мире школа индийского классического танца, самый сложный ее стиль — «бхарат-натьям»: движения и мимика, от которых холодеет спина. Зал не дышит. Кажется, происходит нечто сверхъестественное. Фигура танцовщика, вырастающая в ярком луче прожектора до самого потолка, гипнотизирует вас змееподобными движениями рук, голова ходит из стороны в сторону, кажется, вопреки всем законам строения человеческого тела. Это жутковато и прекрасно — настолько, что зал не сразу выходит из оцепенения, когда пустеет сцена.

— Вот что приносит мне чувство наивысшего удовлетворения: не аплодисменты, а замерший зал, — признается артист. — Без аплодисментов, конечно, вряд ли обойдется, но сначала — тишина. Значит, зал «вошел в образ». Значит, получилось...

От намерения взять у Махмуда Эсамбаева интервью в обычном смысле этого слова пришлось отказаться с первых же минут нашей беседы. Я сразу почувствовал, что это не его роль — с серьезным видом отвечать на заранее приготовленные вопросы. Вместо того, чтобы рассказывать, за что он любит танец, Махмуд Эсамбаев принимает очень комично изображать Галину Уланову в «Жизели» и «Ромео и Джульетте» («когда я показывал это в Большом театре, все понатыкались со смеху»). А мне стало ясно, что он не шутил, когда сказал, что мог бы станцевать почти все ведущие партии классического балета.

В этом нет ничего удивительного: четырнадцать лет Махмуд Эсамбаев был солистом театра оперы и балета в столице Киргизии. Потом он решил стать одновременно исполнителем и балетмейстером-постановщиком характерных танцев. Так появился — уникальный, можно сказать, единственный в своем роде танцовщик, которого сегодня знает весь мир.

Махмуд Эсамбаев побывал на всех континентах, кроме Австралии. Он исполнял испанский танец в Мадриде и бразильский в Рио-де-Жанейро, индийский в Калькутте и кубинский в Гаване. Это бескомпромиссный эстафетчик — исполнять танец в стране, где он родился. Мадридская газета писала по поводу выступления Эсамбаева: «Это не русский в испанском танце — это большой испанский танцор...» Бразильская пресса призывала соотечественников учиться танцевать самбу, «как иностранец Махмуд Эсамбаев».

Народный артист шести союзных и автономных республик — вряд ли кто-либо еще имеет столько почетных званий, —

Махмуд Эсамбаев верен родной Чечено-Ингушетии. Каждый раз артист начинает свое выступление горским танцем-легендой, пронизанным любовью к родной земле.

— Сколько же всего танцев в репертуаре Махмуда Эсамбаева?

— Не знаю, — пожимает он плечами. — Не считал. Знаю только одно: много. Некоторые танцы я исполнял, наверно, сотни раз, но каждый раз мне кажется, что танцую впервые. По-моему, если этого нет, актер перестает быть актером.

Он говорит очень серьезно, и я вновь обретаю надежду: кажется, интервью все-таки состоится.

— Может быть, вы вспомните свой первый танец?

— Мне было тогда, наверно, лет пять, не больше. Отец возил меня на ишаке из аула в аул по сельским праздникам и свадьбам. Всем нравилось, как я передразниваю взрослых: вот так танцует старая Арубика, а вот так — седобородый Ахмат. Тем не менее, когда я подрос, отец и слышать не хотел, чтобы его сын стал танцовщиком. Но в тринадцать лет, перед войной, я уже был артистом ансамбля песни и танца Чечено-Ингушетии...

— И танцевали, наверно, не только в концертных залах?

— Где только не приходилось выступать! Во время войны я был «приписан» как артист к одной стрелковой дивизии, вместе с ней покидал горящий Ростов и возвращался в освобожденный город. Танцевать доводилось и на грузовике, и на дощатом помосте, установленном между двумя танками, и на крыле самолета, и на палубе крейсера...

(Оказывается, Махмуд Эсамбаев — почетный моряк Тихоокеанского флота, почетный сталевар Магнитогорского металлургического комбината, почетный пограничник, а также почетный милиционер Ростова, Ленинграда и Москвы со всеми полагающимися в таких случаях документами и регалиями).

Представив себе артиста в милицейской форме и получив подтверждение, что таковая действительно имеется, не могу удержаться от вопроса о его гардеробе. Конечно, речь идет в первую очередь о сценических костюмах. Ведь для каждого танца нужен особый костюм, и если их число не поддается счету...

— На некоторые танцы у меня по несколько костюмов, — уточняет Махмуд Эсамбаев. — Одних испанских пять. Где их шьют? Как правило, привожу из той страны, где изучаю танец. Например, для «Макумбы», которую мне помогали ставить бразильские хореографы, использованы шкуры леопарда и анаконды — это стоит дороже очень приличной шубы. Пожалуй, верно: вряд ли кто-нибудь еще имеет такой экзотический гардероб.

— Поскольку уж зашла речь об экзотике, — пожалуйста, вспомните самый экзотический случай во время ваших гастролей...

— В позапрошлом году в Канаде меня после концерта пригласили в гости к индейцам. Четыре часа подряд они показывали мне свое танцевальное искусство. Яркие перья, пестрые одежды — я был восхищен этой красотой и захотел выра-

зить свои чувства вождю. Когда принесли угощение и вождь слегка захмелел, он вдруг грянул: «Распрямите, хлопцы, копей!» Я ушам своим не поверил. Оказывается, это местный украинец, который женился на дочери старейшины индейского племени и стал его вождем. «Жинка, подидай галушки!» — командовал он, а детишки тянули отца за рукав: «Батьку, батьку!» В этом индейском поселке я вдруг почувствовал себя почти как дома...

Серьезные вопросы остались на самый конец.

— В любом виде искусства можно назвать несколько имен, достаточно широко известных. Но ваше амплуа поистине уникально. Иными словами, «второго Эсамбаева» не существует. Чем это объяснить?

— Право, не знаю. Может быть, тем, что основа моего искусства — и танец, и драма, и пластика, и мимика, — все вместе взятое. Как бы это объяснить? Большинство людей, глядя в зеркало, видят прежде всего свое лицо. Я никогда не обращаю внимания только на лицо. Мне важно все — руки, ноги, корпус, абсолютно все. Я научился видеть себя на сцене из зала. Главное, что меня волнует, — выразить мысль. Это цель, которая диктует выбор выразительных средств; каждого из них, взятого в отрыве от мысли, от идеи, для меня не существует. Во время танца вокруг меня нет ничего; я подчинен ему весь, до последней клеточки. Когда умираю в «Макумбе», мне кажется, что я действительно умер, а все удивляются, почему незаметно дыхание...

— Мне вовсе не безразлично, — продолжает Махмуд Эсамбаев, — кто сидит в зале. С удовольствием замечаю, что среди зрителей есть и молодежь, и пожилые люди. Но последних обычно больше. И признаться, я этим горжусь: люди, которые кое-что повидали в жизни, умеют отличить правду от фальши везде, в том числе и в искусстве.

На лацкане пиджака моего собеседника — депутатский значок. Махмуд Эсамбаев избран в два Верховных Совета Российской Федерации и Чечено-Ингушской АССР. Интересно, с какими вопросами обращаются к артисту-депутату избиратели!

— С самыми различными. Помочь провести воду в горное село и построить школу, устроить ребенка в детсад. Приходится даже мирить рассорившихся супругов. Кажется, у меня это получается. Нет большего счастья, чем делать людей друзьями...

Искусство Махмуда Эсамбаева блестяще выполняет эту роль. Оно сближает людей, говорящих на разных языках. Оно учит понимать и любить прекрасное. Вот почему артист уже в шестой раз приезжает в Минск, и как всегда, в кассе нет ни одного «лишнего» билета. Нужна ли рецензия на такой концерт? И не заменит ли ее одна-единственная фраза: «Мне удалось попасть на концерт Махмуда Эсамбаева только благодаря тому, что директор концертного зала уступил свое место».

А. КАРЕЛИН.

НА СНИМКЕ: бразильский ритуальный танец «Макумба» в исполнении Махмуда Эсамбаева.

Фото Г. Лифорова.